

ным» (...А караван идет // «Восемнадцатый верблюд»... С. 565) вызвало протест некоторых критиков и послужило поводом для давления на театры, вплоть до приостановки репетиций пьесы. Успеху ее во мн. способствовало блестящее исполнение главной роли Н. К. Черкасовым в Ленинградском театре драмы им. А. С. Пушкина (1960). По признанию автора, «Черкасов, несомненно, наиболее верно соответствовал тому прообразу, который лег в основу пьесы,— академику А. А. Андронову» (С. Алешин. Тема с вариациями. Пьесы. Беседы о театре. М., 1984. С. 514). Позднее по этой пьесе был снят одноименный фильм (1963, реж. Г. Г. Натансон).

Перед угрозой смерти и необходимостью достойно завершить начатое дело оказался и писатель Новиков — герой драмы А. «Палата» (1962). Но именно этот наиболее близкий автору образ получился излишне рационалистическим, созданным, по словам критика, «из чистых понятий, из отвлеченных тезисов» (Аннинский Л.— С. 211). Гораздо более реальной фигурой предстает в пьесе его антипод Прозоров, наглый и уверенный в своей избранности «ответственный работник промышленности», все помыслы и заботы которого сосредоточены исключительно на собственном «организме». В изолированном мире больничной палаты неизбежно выявляются не только физические, но и духовные, нравственные недуги человека. Эта мысль заложена и в пьесе, и в снятом на ее основе кинофильме «Палата» (1965, реж. Г. Г. Натансон).

Крупные человеческие характеры, требовательные к себе и другим, привлекают внимание А. и в его пьесах на историческом материале, будь то философ Сократ («Ксантиппа и этот, как его...», 1983) или Фауст («Мефистофель»), дипломат Максимов («Дипломат», 1967) или пленный советский танкист («Каждому свое», 1965), Гоголь в одноименной пьесе или М. Булгаков («Весь я не умру», 1989). В равной мере это относится и к женским характерам, занимающим центральное место в пьесах «Куст рябины» (1970), «Ее превосходительство» (1972). При этом, как отмечала критика, «главный вопрос, интересующий драматурга Алешина, всегда постоянен: как быть и остаться настоящим человеком в любой ситуации, в каждый момент жизни, чем проверяется подлинность человеческой личности?» (Гарибова О.— С. 51). В этом смысле А. «может быть назван художником-моралистом» (З. Владимирова. Журавль в небе. С. 70). Раскрывая свою творческую лабораторию, писатель признавал, что одним из важных источников познания

действительности для него является суд — настоящий кладезь человеческих драм, историй, ошибок и т. д. «Само судебное заседание,— по убеждению А.,— сам процесс дает драматургу столько ценных наблюдений, сколько, наверное, клиника медику» (Автобиография. С. 42). Недаром и названия некоторых пьес А. напоминают заголовки репортажей из зала суда: «Гражданское дело», «Следствие показало» (1984) и др.

Опыт постановок алешинских пьес свидетельствует, что они дают немало возможностей для проявления актерских дарований. Писатель исходит из того, что «драматург должен любить актеров, вызывать у них аппетит к роли, в каждой роли необходимо заложить манок» (интервью газ. «Лит. Россия». 1968. 8 апр. С. 8). Это не просто словесная декларация: лучшие пьесы А. вполне отвечают данному требованию.

Предстоящие планы писателя связаны с завершением книги очерков «Встречи на грешной земле», подготовкой сб. статей о драматургии и театре, путевых заметок.

Соч.: Пьесы. М., 1972; «Если...» и другие пьесы. М., 1978; Тема с вариациями. Пьесы. Беседы о театре. М., 1984; «Восемнадцатый верблюд» и другие: сб. пьес / послесл. автора «...А караван идет». М., 1994; «Сказки для взрослых» и другое. Тверь, 1996; Автобиография // Советские писатели. Автобиографии. Т. 5. М., 1988.

Лит.: Крути И. Жизнь обязывает // Театр. 1950. № 10; Владимирова З. Живем один раз! // Театр. 1962. № 10; Аннинский Л. Арифметика, алгебра, гармония // Знамя. 1964. № 2; Вишневская И. Четвертое единство // Театр. 1967. № 10; Гарибова О. Испытание на прочность // Лит. обозрение. 1973. № 4; Штейн А. Вечная тема в новой вариации // Лит. газ. 1979. 20 июня. С. 8; Владимирова З. Журавль в небе // Театр. 1988. № 7.

В. П. Муромский

АЛЕШКОВСКИЙ Петр Маркович [12.9.1957, Москва] — прозаик.

Дед А.— доктор искусствоведения (Г. А. Недошивин), отец — историк, исследователь древнерусских летописей, мать — сотрудник Исторического музея. После окончания школы с углубленным изучением английского яз. в 1974 А. поступает в МГУ на исторический ф-т (кафедра археологии). В течение нескольких лет А. занимается реставрацией памятников архитектуры на Русском Севере. В середине 1980-х А. круто меняет свою жизнь. По его словам, он «ушел из академической науки, она, как он убедился, только и плодила мифы» (**Седьмой чемо-**

данчик. С. 81). Обращение к лит-ре, к творчеству было верным выбором: «Избавление, если оно и приходило, то лишь в момент прикосновения к бумаге, где жизнь не жизнь, где нет границ, свобода не меряна, а чувства, плещущего через край, нет смысла стыдиться» (Там же. С. 84).

В 1993–94 в ж. «Согласие» публикуется сокращенный вариант исторического романа А. о В. К. Третьяковском, полное издание романа под названием **«Арлекин, или Жизнеописание Василия Третьяковского»** вышло в 1995 в изд-ве «Радикс». Интересны размышления А. о принципах, которыми он руководствовался, создавая образ Третьяковского. Ключом послужила музыка Третьяковского, воссозданная совр. дирижером. А. приходит к мысли о музыкальности романа о поэте, ибо «каждый поэт рождается из музыки». А. пользовался своим правом на худож. вымысел: писатель, по его убеждению, «не реконструирует биографию, но лепит ее, отталкиваясь от документа». Своим романом А. заполнил лауну не только в историко-биографической прозе, но и в литературоведении: пока еще нет серьезных исследований творчества мн. поэтов XVIII в. Главное же в том, что Третьяковский у А. — живой, одаренный поэтически человек XVIII столетия, многое понявший и открывший, но не понятый современниками.

Однако Россия в центре творческого внимания писателя — Россия сегодняшняя. Повесть **«Чайки»** (1991), **«Жизнеописание Хорька»** (1-я публикация — Дружба народов. 1993. № 7), цикл из 30 рассказов **«Старгород: Голоса из хора»** (1995) — произведения о народной России, по своему увиденной и сотворенной писателем с оглядкой на классические и фольклорные традиции. П. Басинский в статье «Другой Алешковский» (Новый мир. 1994. № 3) противопоставляет творчество А. постмодернистам В. Нарбиковой, В. Шарову, В. Курицыну. Частных претензий А., замечает критик, можно предъявить немало. Путь А. в лит-ре симпатичен, что по его словам, доказывает, «возможность органической жизни в литературе даже в сегодняшних условиях». «Алешковский, — по Басинскому, — наделен неким как бы генетическим чутьем, позволяющим ему ходить в нынешнем литературном море с небрежностью старого лодчана, который минует любые опасности и ловушки, даже не взглянув в их сторону».

Их Старгороду» предпосланы два эпиграфа — первый предельно лаконичная характеристика Старгорода, взятая якобы из путево-

дителя. Второй — «Грустно! Заранее грустно! Но приступим к рассказу». Жизнь маленького провинциального городка представлена писателем в судьбах мн. героев (среди них учителя, старые фронтовики, реставраторы, архивисты, бывшие ээки и зэчки, девчонки-простушки), их «голоса из хора» звучат со страниц «Старгорода». А. обращается к сказовым традициям XIX и XX вв., как бы проверяя их возможности при воплощении современной писателю жизни. Устная речь простых русских людей воссоздается писателем с учетом их возраста, профессии, уровня образованности, личных особенностей. Писатель обращается к фольклорным традициям. Рассказу **«Отец и дочь»** предпослано жанровое уточнение — совр. сказка. В рассказе **«Чудо и явление»** ангелы и бесы борются за душу бывшей зэчки Райки Портновой, и ангелы побеждают, потому что героиня раскаялась и Бог принял ее раскаяние. Комментарии старого учителя истории: «Народу удобны чудеса, чтоб верить, жизнь-то у него тяжелая, а то, что ты мне рассказал, — чистой воды сказка».

Над повестью «Жизнеописание Хорька» писатель работал в 1990–93. Она вошла в финальный список Букеровской премии. Герой по прозвищу Хорек (оно произведено от его фамилии) с детства видит жизнь маленького провинциального городка с его теневой стороны (безотцовщина, многочисленные кавалеры матери, сверстники-подонки). С этим миром он мириться не хочет и не может. Герой по-своему восстанавливает справедливость (убийство Сохатого и уничтожение его банды). У Хорька, по словам писателя, особая «интуиция, верхнее звериное чутье». Лучше всего он чувствует себя на природе, в лесу. Его тянет на Север, в глушь, он хочет естественной спокойной жизни. Дважды он уходит на Север и дважды возвращается домой. Но в итоге он исчезает из хора, становится Даниилом Анастасьевым и находит свою судьбу в леспромхозовском поселке.

В романе **«Владимир Чигринцев»** (1-я публикация — Дружба народов. 1995. № 9–10) соотнесены русская дореволюционная жизнь и совр. действительность, в нем речь идет о дворянстве историческом и современном. В какой-то степени роман автобиографичен, выдержан он в традициях русской классической лит-ры. Повествование **«Седьмой чемоданчик»** (над ним писатель работал с мая 1997 по март 1998) — попытка писателя воссоздать портреты своих близких и более дальних родственников (деда, отца, матери), воссоздать семейную историю

и историю своего рода (рассказы о далеком предке Георгии Христофоровиче Зографе — основателе рода).

Внимание критики, положительно оценившей произведения А., было направлено на осмысление принципов, которыми писатель руководствуется, обращаясь к традициям русской классики, в частности, воссоздавая жанр сказа в русской лит-ре конца XX в.

А. печатался в ж. «Дружба народов», «Юность», «Волга», «Октябрь», «Согласие» и др. С 1993 является членом СП Москвы, с 2000 занимает должность заместителя главного редактора еженедельника «Книжное обозрение», с 2001 ведет на радиостанции «Россия» одноименную программу.

Соч.: Как новгородцы на Югру ходили. М., 1989; Арлекин. М., 1995, 2-е изд. М., 1996; Старгород: Голоса из хора: сб. М., 1995; Владимир Чигринцев. М., 1997; Седьмой чемоданчик: Повести и рассказы. М., 1999.

Лит.: Басинский П. Другой Алешковский // Новый мир. 1994. № 3; Немзер А. Эдип из Старгорода. Роман с историей // Немзер А. Литературное сегодня. О русской прозе. 90-е. М., 1998; Славецкий Вл. Реставрация ведется. Петр Алешковский. Вл. Чигринцев. Роман // Дружба народов. 1995. № 9–10; Петр Алешковский. Старгород. Голоса из хора. Изд-во им. Сабашниковых, 1995; Новый мир. 1996. № 4.

А. И. Филатова

АЛЕШКОВСКИЙ Юз (настоящее имя Иосиф Ефимович [21.9.1929, Красноярск] — прозаик, поэт, бард.

Детские годы прошли в Москве, в 1950, во время службы на Тихоокеанском флоте, был приговорен к 4 годам заключения «за нарушение воинской дисциплины». В лагере написал свою первую песню «**Птицы не летали там, где мы шагали**». В 1955 возвращается в Москву, где до 1963 работает сначала шофером, потом на стройке.

В лит-ру входит как автор получившей резонанс «**Песни о Сталине**» («Товарищ Сталин, вы большой ученый...», 1959). «Для меня это было совершенно неожиданно, потому что написал я ее и пропел для себя в одиночестве и не рассчитывал ни на какой успех. А когда я увидел реакцию слушателей <...>, меня это удивляло. <...> Она действительно стала шлягером, что мне было лестно, поскольку, значит, я уловил общелюдское настроение советских граждан и как-то выразил то, что чувствовали они» (Глэд Д.— С.115).

В 1963 А. бросает работу и становится профессиональным писателем, начиная двойную лит. жизнь — официальную (как

Ю. Е. Алешковский

автор детских книг и сценариев для кино и телевидения) и скрытую, создавая «серьезную прозу», напечатать которую смог только впоследствии за границей. Первым таким произведением становится повесть «**Николай Николаевич**» (1970, опубл. в 1980), получившая необычайную популярность в самиздате (написана от лица молодого вора, работающего после освобождения из лагеря в биологическом ин-те и раскрывающего глупость лысенковской псевдонауки).

В 1979 выходит московский самиздатовский альм. «Метрополь» включающий несколько лагерных песен А. В этом же году А. эмигрирует сначала в Вену, а затем в США, где проживает в Кромвелле, штат Коннектикут. Касаясь писательского имиджа А., исследователь пишет: «Непростой и на первый взгляд хулиганствующий писатель. <...> Его кривлянья в прозе, ерничанье, сплошные идеоматические выражения, присущие нашему великому и могучему, сбивают с толку. Потому многие начинают судить об авторе с тех позиций, что он-де из рода тех, кто „из-за красного словца не пожалеет матери-отца“. Но это поверхностный взгляд, внешняя мишура, не имеющая никакого отношения к сути этого не такого уж и простого писателя» (Бондарев А.— С. 180, 181).

Предшественниками А. в качестве мастеров разрабатываемой им сказовой прозы яв-